

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ЛЕНИНГРАД

22 июля 1941 года

Москва

Кресты на окнах. Боевое ночное крещение.

25 июля 1941 года

*Когда-нибудь, но только будь,
Прекрасное то время...*

28 июля 1941 года

*Москва, которую мы знали,
Ее (спокойный) горизонт,
Москва...
Преобразилась: это фронт.*

2 августа 1941 года

*Астролог Гитлера...
Одну лишь он не принял во внимание –
Пятиконечную звезду.*

8 августа 1941 года

Необычная роспись Москвы. Падающая звезда, похожая на ракету. Женщина — с кастрюлей на голове вместо каски — тушит бомбы.

10 августа 1941 года

В бомбоубежище под «Национален» во время тревоги Колдуэлл с записной книжкой.

Бомба страшной силы упала у Никитских ворот на памятник Тимирязева и вбила его в землю.

В ПУТИ

*22 августа 1941 года
Поезд Москва – Ленинград
Разъезд М 7*

Две бомбовые воронки, слившиеся в одну громадную, разбитая цистерна, земля, бурая от нефти, сгоревший паровоз под откосом. И тут же довоенная надпись: «За курение – под суд!» Заплаканная беременная стрелочница (вот-вот родит) тоскливо держит флажок...

Мы снова стоим. Укрытые березовыми ветвями, идут навстречу товарные платформы с машинами и частями машин: это ленинградские заводы. И по степени свежести ветвей можно судить о времени, проведенном поездами в пути.

Маховики, станки, большие и малые зубчатые колеса, плоскости, треугольники. Отдельные части смазаны жиром и обернуты пергаментной бумагой. За платформами – теплушки с семьями рабочих. В одной из них – дети на нарах. Ребячьи головы, тесно прижатые одна к другой, смотрят в окно теплушки. Ни одной улыбки.

В Москве мне рассказывали, что при поспешной эвакуации одних яслей каждому ребенку на-

писали на ручонке его имя химическим карандашом. Но по прибытии на место всех выкупали, смыв таким образом имена. Пришлось вызвать из Москвы матерей, чтобы они опознали своих детей.

А одно дитя так и осталось неопознанным.

Ох, Москва!.. Она не оставляет, следует за мной, ранит сердце. Все вспоминается мне мой полугодовалый внучонок Мишенька, как его увозили в полотняном картузике, великоватом для его головенки, в распашонке и кофточке.

Внесенный в детский вагон, он лежал спокойно, разглядывая всех блестящими глазенками и ухватив рукой собственную ножку. У меня не хватило сил еще раз войти в вагон взглянуть на него. Так и увезли...

Наш поезд тронулся наконец. Товарный — тоже. Он — из Ленинграда, мы — в Ленинград. Долго провожали друг друга глазами.

*23 августа 1941 года
Неизвестная станция*

Остановились на рассвете. И вот — стоим. Станция неизвестная, вокзал далеко. Ни самолета в воздухе, ни выстрела на земле. Уж лучше бы гремело и грохотало, все было бы легче.

Наш вагон неразговорчив, да и пустоват. В одном купе идет нескончаемый дорожный преферанс, но тихо, словно под сурдинку. Генерал-лейтенант, задумчиво насвистывая, объявляет масть. Военный инженер то и дело выстукивает трубку о край стола — тихий звук, похожий на постукивание дятла. Трубочный дымок выплывает в коридор, слотится, утончается, повисает в солнечном луче. Порой становится так тихо, что кажется — поезд идет по мху.

За все это время только в Волхове пролетели над нами два «ястребка» и прошел мимо небольшой отряд морской пехоты — сверкнули на солнце золотые якорьки... И все.

Справа и слева от рельсов — воронки, наполненные водой. Она здесь набегаёт быстро. Вдоль телеграфных столбов тоже воронки, но маленькие. Немцы бомбили экономно, по-немецки: крупные фугаски тратили только на полотно, а на линию телеграфных проводов клали бомбочки помельче.

Мертвый лес, опаленный разрывами. И в одном месте все деревья вывернуты корнями вверх. На опушке — березка. Ее кора с крапинками, скобочками, штрихами и точками напоминает стенограмму. Здесь вся история ее жизни. Теперь эта запись оборвана на полуслове: все обуглено, расщеплено, мертво...

Только что узнали название станции: Мга. Мы ведь вообще до войны этой дороги не знали, все ездили по Октябрьской. Теперь между Бологим и Тосно — уже немцы.

А здесь — какие смолистые, дремучие названия: Мга, Будогощь, Хвойная...

24 августа 1941 года

Утро

О, этот путь от Пестова до Мги! Фугасные воронки...

*Чем далее на север — тем все ярче
За соснами брусничная заря.
На станции какой-то древний старче
Нам указал на поле, говоря:
«А урожай-то, милые, каков —
Мы не запомним эдаких хлебов!»*

Чем далее на север...
О сене... Солнечная энергия, переработанная
в траву.

*Зажатая меж золота зоря,
Заката темно-красная нашивка.
И лес корней, как будто под землей
Находятся стада оленей.
И рельса, вставшая дугой,
И ты, красноармейская подруга,
Безропотная спутница бойца,
Гармоника (трехрядка),
Как сладко ропщешь ты.*

ЛЕНИНГРАД

24 августа 1941 года

Вечер

Первое, что мы здесь увидели, еще на вокзальной площади, — это расклеенное по стенам домов и залитое утренним солнцем обращение, подписанное Ждановым, Ворошиловым и Попковым: «Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!..»

Оно появилось 21 августа, а Илья Давыдович уехал за мной в Москву 13-го. За эти дни положение Ленинграда резко ухудшилось. И все же мой муж правильно поступил. Он все время говорил: «Если случится война, мы должны быть вместе». И вот мы вместе.

26 августа 1941 года

Наша квартира на Песочной, на пятом этаже, — высокая, светлая, полупустая.

Только книжные полки и тарелки на стенах в изобилии. Неувядаемые елисаветинские и екатерининские розы, николаевский, синий с золотом, орнамент. Серо-белый фаянс. Хрупкое хозяйство. Куда с ним сейчас?!

Окна спальни и балкон выходят на Ботанический сад. Хотя еще жарко, но какие-то деревья

уже готовятся к осени: вырядились во все золотое и алое. А что еще будет в сентябре!..

С балкона хорошо видна громадная пальмовая оранжерея, вся из стекла. Зеленые газоны, аллеи... Народу в саду мало. Я еще не была там ни разу. Пойдем в воскресенье.

Дом, где мы живем, занят фармацевтическим институтом. Рядом с нами, за стеной, общежитие студенток. Здесь же, совсем близко, перейти только речку Карповку — Первый медицинский институт и его клиническая «база» — бывшая Петропавловская больница, а теперь больница имени Эрисмана.

Эрисман — человек большого сердца и ясно-го ума. Ученый-гигиенист, много сделавший для России.

Больница его имени и Первый медицинский институт — это целый городок: множество больших и мелких корпусов среди прекрасных старых деревьев времен еще «архиерейской рощи». Когда-то здесь было архиерейское подворье, а еще раньше — в эпоху основания Петербурга — мыза Феофана Прокоповича. Места, богатые воспоминаниями.

До войны И. Д. заведовал в институте одной из кафедр, а теперь назначен сюда директором.

27 августа 1941 года

Ответственный секретарь здешнего Союза писателей Кетлинская обрадовалась мне и тотчас же стала звонить на радио. Я пошла туда прямо из Союза и договорилась, что буду выступать на следующий день.

Передача называлась: «Москва — Ленинграду!»

Я начала ее так:

«Товарищи! Ленинградцы! Граждане города Ленина! Выступая в эти минуты перед вами, мне хочется передать вам привет от Москвы, от моего города, который в эти грозные дни так же мужествен и тверд, как ваш Ленинград. Так же отдает себе отчет о размерах опасности, нависшей над страной. И так же полон веры, что опасность эта будет преодолена, что враг будет разбит: Москва и Ленинград, как сестра и брат, подают друг другу руки, говоря: «Победа — за нами!» Я цитировала Герцена:

«Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей», — пишет Герцен. А теперь и мы думаем о том, перед сколькими поколениями наших потомков нынешние московские ночи встанут героическим эпосом, развернутся отечественной Одиссеей, русской Илиадой».

Закончила я так:

«Гитлеризм будет уничтожен, сметен с лица земли, а ты, Москва, родная, великая столица, сердце родины и колыбель героев, и ты, Ленинград, город, носящий имя Ленина, краса и гордость страны, — вы будете стоять непоколебимо, как стояли в веках».

Эту мою передачу слышали и слушали многие. Оля Ч. услышала ее в магазине, в очереди, и таким образом узнала, что я в Ленинграде.

28 августа 1941 года

Сегодня И.Д. встретил знакомого врача одного военного госпиталя, который неделю назад уехал из Ленинграда. Все это время госпиталь простоял в вагонах на путях, но уехать не смог, и вернулся обратно.

Дорога на Мгу, последняя наша дорога, перерезана немцами. Сама Мга взята на следующий день после нашего приезда.

1 сентября 1941 года

У нас по несколько тревог в день: десять, пятнадцать. Вернее — одна сплошная тревога с короткими перерывами. Но тихо, даже зениток не слышно. Все происходит где-то там, за горизонтом. Чувствуется, что «юнкерсы» ходят кругами на подступах к городу, а пробиться не могут. Но ведь может наступить такой день, когда они пробьются, как это было в Москве.

И, как назло, необычайно прекрасны тогда были московские закаты. Солнце алым шагом подтягивалось к горизонту. И, по мере того как оно опускалось, подымались аэростаты, словно один и тот же механизм заведовал этими спусками и подъемами.

Однажды, помню, луна взошла громадная, во все окно, неестественно розовая, вся какая-то словно восковая. И вмятины на ней, как отпечатки пальцев, точно ее держали в горячих руках.

И когда при этой луне завьли сирены, мне показалось, что наступил конец света.

Взяла пишущую машинку и стала спускаться в убежище. Иду по лестнице, а впереди сумасшедшая старуха. У нее умер муж, а она думает, что он остался в квартире. Идет и плачет:

«Он все время был со мной и вдруг отстал. А я еще его пальто надела. Как же он теперь без пальто?»

Я сошла вниз. Там какая-то чужая женщина, не из нашего дома, мечется в ужасе, ищет своего грудного ребенка, спрашивает всех — не видел ли кто? А ребенок у нее на руках, в платке.